

Фото Вячеслава Каротихина

Анна Минакова

На Божьих часах

Черно-белые фотографии, несомненно, имеют свою, отдельную, художественную ценность. Это хорошо знают и сами фотохудожники, и — зрители. Даже более того: в мире фотографии есть своя черно-белая «страна», где вторжение цвета попросту неуместно — может уйти вещество искусства, растворённого в этой, казалось бы, «обедненной» гамме.

Хотя и здесь есть свои допущения: внезапное цветовое вкрапление может послужить неожиданному «прочтению» той реальности, которая создается фотооттудом.

И все-таки полевые цветы, мне кажется, лучше вообще не фотографировать без цвета.

Потому что цветы могут быть только цветными.

И ещё: вообразить, что кто-то возьмется заново иллюстрировать «Маленького принца», я тоже не смогу: рисунки Экзюпери родственны тексту, это не приемные дети.

Художественный мир поэта Анны Минаковой — в моем сознании — издавна устроен так, что представить Анино участие в «Строфах» — без её живописи или графики я не умею. Спасибо, что она согласилась и прислала рисунки. Но ведь так устроены и все её книги.

Из многих откликов на поэзию Анны Минаковой (а о её стихах вдохновенно писали разные и весьма изысканные поэты, например, крымчанин Андрей Поляков и дальневосточник Юрий Кабанков), — мне особенно дороги слова её отца, известного поэта и эссеиста Станислава Минакова (бывшего гостем наших «Строф» семь лет тому назад).

«Я с удивлением обнаружил...» — так начиналась его давняя рецензия на стихи дочери.

Он удивился виртуозности ее обращения со словом, ее владению просодией.

...Аня пишет нечасто — несколько стихотворений в год. В её последней по времени издания книге «Сны стеклодува» (2011; а до того были сборники «Дорогое моё» и «Ода радости») — присутствует статья замечательного поэта Андрея Нитченко.

«Анна Минакова — художник, музыкант, поэт, возможно, что-то еще, возможно даже нечто большее, чем совокупность всего этого...»

Я тоже думаю так. Это — мир, где всё устроено по слову её любимого Баха, который, в свою очередь, говорил о музыке: «...во славу Божию или во имя пробуждения души».

Ф.

Павел Крючков,
заместитель главного редактора
журнала «Новый мир»
Рисунки Анны Минаковой

я хочу чтоб всегда вырастала звезда
над твоим молчаливым окном
чтоб стучали шумели всегда поезда
и тянулись сплошным волокном

из далёких и неразстворимых краёв
незапамятных детских краёв
где жуков находил и встречал муравьёв
и апостолов и воробьёв

и летели апостолы в белых плащах
словно перистые облака
улыбались легко говорили «прощай»
Тимофей Иоанн и Лука

исчезали в дыму за дорожной чертой
где растут полевые цветы...
я хочу чтобы ты никогда ни за что
я хочу чтобы ты чтобы ты...

Меня встречает у порога
аллей берёзовый конвой
и заражает понемногу
своей болезнью лучевой.

И луч проходит, как иголка,
и багровеют на ветру
моя сиротская футболка
и листья, близкие к костру.

Ещё подкожные потёмки
меня не мучат засветло.
И полосатые котёнки
усами тычутся в стекло.

Возьмёшь у сердца обещанье,
как будто всё и навсегда,
и тут же чёрное прощанье
течёт, как мёртвая вода.

Не обещай меня лелеять,
не обещай меня... пока
я, как безлистная аллея,
смотрю сквозь пальцы в облака,

пока мне выправят походку,
пока мне «вольно» разрешат,
пока мою худую лодку
заселит племя лягушат.

* * *

На глазу необъятном, на радужной оболочке
Самой синей из всех — появилось луны бельмо ли?
Я расставляю все галочки, спрятавшись в уголке,
Свет дизель сменю на увесистые бемоли.

И счастливый билет, что со мною всегда — сомну я.
Острым носом уткнувшись очумело в плечо печали.
Мы лечили себя — эту мутную тьму минув,
И губили себя — если снова её встречали.

Я встряхну волосами — и все захлебнутся в блёстках
И зажжется стекляшкой в ухе моём серёжка.
Это ангел сидит у стены в тишине белёсой
И на палец устало наматывает кудряшки.

* * *

Интересно, когда человек как цветок,
не мигая, глядит на зелёный восток —
в мельтешне ли, толпе ли, пустыне,
словно в жилах его не кровяца, а сок,
и внимательный свет в сердцевине.

Будто кто-то ему указал на звезду:
из неровного облака вынул.
И теперь он цветёт в поднебесном саду
меж тюльпанов, ромашек и примул.

А в густых золотых волосах волосах
шебуршит, воскресает пшеница.
Интересно, что весь он — почти в небесах,
стебелёчек и стрелка на Божьих часах,
но ему — вместе с нами — висеть на весах
и к земле неподвижной клониться.

И неспешные очи лилово разув,
обмирая, вздыхая глубоко,
он как будто готов сквозь росу и слезу
посмотреть на неблизкого Бога.
И выходит во двор, где сияют кусты,
полон солнца открытый его рот.
И ложится пыльца на волосы и персты,
и рубашки отвернутый ворот.

Рождество

Бордовая дробь брусники,
Заезженные салазки,
Заброшенный мир, где духи
Со мною — накоротке.
Скажи, неужель так жутки
Мои ледяные глазки —
В продрогшем до дыма доме,
Полуночном городке?

Мне в хронику, что ль, веселья
Вписать: ледяные звёзды,
Припавшие к щёлкам в тучах,
Холодных наверняка,
И миг, когда грянут звёзды,
Январское «happy birthday»,
И мы задрожим от вздохов
Заблудшего сквозняка.

Я в этом году ни разу
Не плакала, не хворала.
Спасибо Тебе, Спаситель,
И всем, кто живет в раю.
Я знаю на память четверть
Рождественского хорала,
И самую эту четверть
Попробую-пропою.

